

Ксения Ринатовна РуссуЮгорский государственный университет, кандидат филологических наук,
доцент высшей школы гуманитарных наук, Ханты-Мансийск, Россия
e-mail: vaganova1988@mail.ru, k_russu@ugrasu.ru**Фреймовый анализ дискурсивного события «ответ на розыскное задание»**

Аннотация. В статье дан фреймовый анализ дискурсивного события «ответ на розыскное задание». Говорится о структуре соответствующего фрейма, его зависимости от экстралингвистического контекста. Материалом для исследования послужили 300 розыскных документов конца XVIII — начала XIX в., оригиналы которых хранятся в Государственном архиве в г. Тобольске и в Историческом архиве Омской области. Приводятся выводы о типовом принципе организации дискурсивного события «ответ на розыскное задание», которое повторялось на разных территориях российского государства.

Ключевые слова: фреймовый анализ, дискурс, розыскной дискурс, дискурсивное событие, XVIII век, XIX век, архивные документы, диахрония.

Ksenia R. RussuYugra State University, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Higher School of Humanities, Khanty-Mansiysk, Russia
email: vaganova1988@mail.ru, k_russu@ugrasu.ru**Frame Analysis of the Discursive Event “Response to a Search Assignment”**

Abstract. The article provides a frame analysis of the discursive event “Response to a Search Assignment”. It discusses the structure of the corresponding frame, its dependence on the extralinguistic context. The material for the study was 300 search documents of the late 18th — early 19th century, the originals of which are stored in the State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive in Tobolsk” and in the Budgetary Institution of the Omsk Region “Historical Archive of the Omsk Region”. Conclusions are drawn about the typical principle of organising the discursive event “Response to a Search Assignment”, which was repeated in different territories of the Russian state.

Keywords: frame analysis, discourse, investigative discourse, discursive event, 18th century, 19th century, archival documents, diachrony.

Введение (Introduction)

Термин «фрейм» был введен для упорядочения знаний в теории искусственного интеллекта, и только спустя несколько десятилетий он стал частью лингвистического пространства. Изначально фреймы рассматривались как разновидности *гештальтов*, т. е. «комплексных, целостных функциональных структур, совмещающих чувственные и рациональные элементы, соотносимых, таким образом, со смешанным типом кодирования информации» [1, с. 57].

Методы (Methods)

В современном обществе исследование общих и частных теорий дискурса приобретает особую значимость, поскольку дискурс как отрезок речи вместе с определенным включенным социальным контекстом представля-

ет собой основную единицу коммуникации членов социума. Опираясь на собственные убеждения и установки, они в постоянном режиме воспроизводят такие речевые практики, которые отражают их представления об описываемой окружающей действительности, передают историческую память.

Наряду с общими теориями дискурса в XXI в. активно разрабатываются частные теории дискурса, представляющие ответ на вызовы существующей социальной, политической и культурной практики. Именно в этой связи на определенном этапе исследования языкового материала привлекательным оказывается метод фреймового анализа, поскольку сам фрейм является максимально обобщенной, а значит, универсальной системой репрезентации информации.

© Руссу К. Р., 2025

Для цитирования: Руссу К. Р. Фреймовый анализ дискурсивного события «ответ на розыскное задание» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 108–113. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-48-108-113

Литературный обзор (Literature Review)

Родоначальником использования категории фрейма во многих отраслях науки (естественных науках, когнитивной психологии и лингвистике, прикладной лингвистике, занимающейся нейролингвистическим программированием, и т. д.) стал М. Минский [2].

В настоящее время в современной лингвистике можно выделить несколько вариантов фреймового анализа:

1. Задача фреймового анализа состоит в описании стоящего за словом мыслительного представления и выделении в этом представлении наиболее важных аспектов, определяющих специфику значения и отличающих его от значений других лексических единиц в данной семантической области. В рамках такого подхода фрейм считается когнитивным основанием лексического значения, содержащим информацию о стереотипной ситуации. Цель данного подхода заключается в описании знания об определенной стереотипной ситуации и всех относящихся к ней признаков, выявлении и изучении семантико-синтаксических особенностей лексических единиц, объективирующих это знание в языке. К числу исследователей, разделяющих подобные взгляды, можно отнести Т. Д. Дьяченко [3], С. Б. Уланову [4], И. В. Колмагорова [5] и др.

2. В особую группу хотелось бы выделить исследователей, занимающихся моделированием фреймовой структуры определенного языкового материала в виде когнитивно-пропозициональной структуры. В основе данного подхода лежит идея о том, что между действительностью и ее отражением в семантической системе языка существуют определенные структуры знания в сознании говорящего, именно к ним он обращается, выделяя важные для него признаки.

Последователи этого подхода (Ю. Н. Рогачева [6], О. Ю. Ромашина [7] и др.) считают, что пропозиции есть языковой коррелят фрейма, его операциональная единица. Выстраивание определенного фрейма в виде пропозиции, с их точки зрения, позволяет исследователю выявить, изучить и подробно описать специфику и разную степень реализации всех/нескольких признаков в конкретном речевом высказывании.

3. Иной подход к фреймовому анализу базируется на теории метафорического моделирования. Под метафорической моделью понимается «существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-мишени» [8, с. 94]. Суть подхода заключается в выявлении и описании исходной понятийной области (сферы-источника) и новой сферы-мишени, в выстраивании относящегося к данной модели фрейма и составляющих его слотов, а также в определении и анализе компонента, связывающего сферу-источник и сферу-мишень и дающего основание для метафорического осмысления той или иной ситуации/явления.

Достоинством данного подхода является возможность с помощью метафор и фреймов описать механизм когнитивной обработки определенного отрезка действительности, чтобы понять, как представляется мир носителю языка и чем он пользуется для восприятия и понимания сложных перемен, происходящих в окружающем мире.

В настоящей работе будет рассмотрен только фрейм «ответ на розыскное задание», который моделирует предметную область розыскного дискурса, представляет иерархическую структуру. Общее число проанализированных документов с данным розыскным событием — 300 источников: 200 сообщений и 100 рапортов, созданных в конце XVIII — начале XIX в.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Основу структуры фрейма «ответ на розыскное задание» составляет ядро «предоставление обратной связи по розыску какого-либо лица», включающее отдельные признаки фрейма:

- слот «субъект розыскного дискурса»;
- слот «объект розыскного дискурса»;
- слот «событие»;
- слот «адресат розыскного дискурса»;
- слот «результат».

Некоторые слоты («субъект розыскного дискурса», «объект розыскного дискурса», «событие» и «адресат розыскного дискурса») содержательно идентичны слотам фрейма «запрос розыскной информации» и «розыскное предписание»*, что также позволяет сделать вывод о когнитивно-семантической связанности задач по передаче сведений определенного содержания.

Мы понимаем, что в какой-то момент времени на некой территории возникала ситуация розыска, кому-то была поставлена соответствующая задача, а значит, после ее реализации необходимо было предоставить соответствующий ответ. Данный фрейм, в отличие от фрейма «розыскное предписание» и фрейма «запрос розыскной информации», занимал периферийное место в пенитенциарной системе российского государства конца XVIII — начала XIX в., поскольку обратная связь хоть и носила обязательный характер в структуре розыскного дискурса, но по объективным причинам не всегда предоставлялась.

Под структурой фрейма «ответ на розыскное задание» мы понимаем совокупность всех компонентов, отражающих ситуацию «у меня есть сведения о розыскной ситуации — я предоставляю их, примите к сведению». Под компонентами структуры фрейма «запрос розыскной информации» также понимаем единицы этой пятиступенчатой модели (приведенные выше слоты «субъект розыскного дискурса», «объект розыскного дискурса», «событие», «адресат розыскного дискурса» и «результат»), вербализующие информацию о параметрах данной розыскной ситуации.

Некоторые слоты фрейма «ответ на розыскное задание» не всегда присутствовали в полном объеме: так, слот «субъект розыскного дискурса» мог быть исключен из системы категоризации языкового пространства, поскольку собственно обратная связь была минимальной. Далее перейдем к описанию семантики слотов, особенностям их заполнения, что позволит подтвердить следующее утверждение — в слотах гиперфрейма «розыск» содержится информация различной степени сложности: от простого признака до

* Данные фреймы составляют основу розыскного дискурса, но в данной статье их анализ не будет представлен.

специальных фоновых знаний или даже энциклопедических данных. К последним мы относим слот «событие», который содержал информацию о том, как именно развивалась пенитенциарная политика в российском государстве в конце XVIII — начале XIX в., в чем была принципиальная разница между *сыском*, *отысканіем*, *розыском* и *ра(о)зысканіем*.

Дискурсивное событие «ответ на розыскное задание» включало следующий скрипт:

1) *участники*: основные — адресант (составитель розыскного документа), адресат (получатель розыскного документа), гипотетические — другие сотрудники государственных учреждений;

2) *действие № 1*: адресант проводит розыскные мероприятия в рамках существующего запроса;

3) *действие № 2*: адресант отправляет ответ на розыскное задание, составленный в связи с существованием антинормативной ситуации.

Семантическая близость структуры данного фрейма со структурой других фреймов, проанализированных ранее, позволяет нам сделать вывод о наличии единого дискурсивного аппарата, которым и оперировали все участники розыскного дискурса. Это также подтверждается и наличием единого шаблона для всех типов архивных документов, используемых в пенитенциарных структурах и информирующих о розыскной ситуации в конце XVIII — начале XIX в.

1. Слот «субъект розыскного дискурса»

Заполнение слота «субъект розыскного дискурса» могло осуществляться через репрезентацию конечного реквизита делового документа: составителем таких документов выступал, например, *квартильный надзиратель* [9; 10; 11; 12; 13], который предоставлял обратную связь по той или иной розыскной ситуации. Иных способов заполнения данного слота выявлено не было.

2. Слот «объект розыскного дискурса»

Фрейм «ответ на розыскное задание» всегда фиксировал информацию об объекте розыскного дискурса в целях повышения идентификационной значимости документов, содержащих информацию о результатах проведения розыскных мероприятий с одной стороны, и в связи с наличием огромного числа бумаг, которые заполнялись в канцеляриях, — с другой. Адресант, получая ответ на свой розыскной вопрос, сразу понимал, к какому розыскному делу необходимо подкрепить новый документ.

Для номинации объекта розыскного дискурса использовалась форма родительного падежа: *иных бѣжавших колодниковъ | Плехановъ Ивана Канонова | и прочихъ* [14]; *означенных бѣжавших колодниковъ | Ивана Плеханова Ивана Канонова | и прочихъ* [9]; *означенных бѣжавших военныхъ арестантовъ...** [10]; *означенных бѣжавших колодниковъ | ивана виноградова, ивана полѣнова | и прочихъ* [11]; *умѣршаго рядоваго Ивана Кубасова жены Матрены Кузьминой* [14]. Укажем на наличие ошибок при указании объектов розыскного дискурса: антропоним *Плехановъ*

употребляется составителем розыскного документа в форме именительного падежа.

Некоторые документы не фиксировали полный набор объектов розыскного дискурса. Так, в «Предписании второй города части от 25 июня 1815 г.» [15] упомянуты 10 бежавших колодников, а уже в ответе [16] перечислены только три объекта розыскного дискурса, полная информация о них была имплицирована, присутствует только адъектив *прочихъ*.

3. Слот «событие»

Во фрейме «ответ на розыскное задание» для заполнения слота «событие» составитель розыскного документа использовал отглагольное существительное *розысканіе*. Его семантика эксплицируется через соответствующую предложную синтаксему, указывает на наличие определенного ряда мероприятий, которые выполнялись всеми участниками розыскной коммуникации в целях завершения розыскного процесса успешным образом.

4. Слот «адресат розыскного дискурса»

В большинстве розыскных документов [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15] в конце XVIII — начале XIX в. отсутствовал слот «адресат розыскного дискурса». Это указывает на следующий организационный факт: число розыскных документов увеличивалось, а значит, закон экономии речевых усилий составителем текста активно применялся. Вместо него можно было просто указать номер первичного запроса, на который предоставлялся ответ.

Между тем особенностью фреймовой презентации розыскных знаний в указанный исторический период является наличие примеров заполнения слота «адресат розыскного дискурса» и выделение его как отдельной части фрейма «ответ на розыскное задание». Это подтверждается следующими примерами из рапортов:

РАПОРТЪ

Генераль майора Станиславскаго
Высокопревосходительному господину генераль
порутчику

и

кавалеру Ивану Александровичу Бескалону [17].

Но, повторим, такие примеры носят именно единичный характер, что обусловлено дискурсивным канонем, который сложился уже в конце XVIII — начале XIX в.

5. Слот «результат»

В большинстве рассмотренных розыскных документов конца XVIII — начала XIX в. слот «результат» был репрезентирован с помощью наречия *нынѣ* и глагола в форме прошедшего времени *неоказалось*:

— *по розысканію в сдѣшнемъ кварталѣ нынѣ неокказалось* [18];

— *порозысканію в сдѣшнемъ кварталѣ нынѣ неокказалось* [9];

— *означеннаго крестьянина логина остя-|кова порозысканію въ сдѣшнемъ кварталѣ | нынѣ неокказалось* [19].

Некоторые деловые бумаги конца XVIII — начала XIX в. фиксируют отсутствие наречия *нынѣ* в слоте «результат»:

— *означенных бѣжавших колодниковъ | ивана виноградова, ивана полѣнова | и прочихъ порозысканію въ сдѣшнемъ | кварталѣ неокказалось* [11];

* В данном документе нам не удалось эксплицировать перечень арестантов, которые подверглись поиску, из-за плохой сохранности текста.

— означенного крестьянина логина | остякова, по розысканію въ сдѣшнемъ | кварталѣ нынѣ неокказалось [19].

Такие примеры указывают на включенность семантики наречия в семантику реквизита «дата составления документа»: *июня 7 дня | 1815го года*. Составитель документа (*квартильный Андреевъ*) понимал, что его обратная связь актуальна на дату, когда она была предоставлена адресату, а значит, наречие *ныне* можно было имплицировать. На возможность подобной интерпретации указывают и иные тексты розыскного дискурса конца XVIII — начала XIX в. (например, [20] и т. д.).

Интересный факт, что тот же составитель документа (*квартильный Андреевъ*), предоставляя обратную связь 10 июня 1815 г. [21] по поиску других колодников, употребил наречие *ныне*. Такие синонимичные конструкции указывают на вариативность в заполнении слота «результат» в деловых бумагах конца XVIII — начала XIX в.

Отметим, что в указанный исторический период пробелы в предложных синтаксисах не всегда были представлены, как следствие — вариативность написания *по розысканію* и *порозысканію*. Данный графический факт указывает также на особую роль предлогов при развертывании их значений в системе сложных предложений, существующую в розыскном дискурсе. Мы так же, как и исследователи исторической грамматики [22; 23], придерживаемся точки зрения, что семантика предлогов на более ранних этапах их развития значительно богаче современной, а вариативность в выражении одного и того же значения выше. Безусловно, «предлоги... характеризуются *большой многозначностью* по сравнению с современным языком, а также *недостаточной разграниченностью близких функций между отдельными из них*» [24, с. 8] (курсив наш. — К. Р.), «заметна... тенденция к сужению объема значений отдельных предлогов, что приводило к изменениям как в управлении глаголов определенных семантических групп, так и в значении предложно-падежных форм» [23, с. 64] (курсив наш. — К. Р.).

Современные исследователи полагают, что жанровые формы во многом определяют мышление и дискурсивное поведение субъекта речи, и выделяют фрейм-модели речевых жанров — «наборы (классы) средств, объединенных общностью прагматической роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра» [25, с. 21]. Это понятие можно соотнести с понятием формуляра документа. Вероятно, фрейм-модели лежат в основе восприятия любого текста: «...текст, содержащий информацию, рассчитан на понимание, а значит, на извлечение этой информации» [26, с. 72]. Таким образом, если любой текст — это сформированная у читателя «ментальная модель», если «текст как правильно организованная форма коммуникации, как сообщение, уже содержит в себе самом некие единицы, средства, сигналы и т. п., достаточные и необходимые для

построения на его основе правильной и осмысленной модели» [26, с. 73], то документ в ситуации деловой коммуникации узкого круга «своих», преимущественно профессиональных, субъектов речи и письма, в принципе, может быть «свободен» от метаязыковых знаков препинания, которые могут вносить в текст (с учетом индивидуальности интонаций говорящего и пунктуационной выучки пишущего) субъективные смыслы, «надстраивающиеся» над «общей» основой. Как следствие — отсутствие пробелов между словами, что было весьма частотно.

Заметим, что в приведенных выше примерах простой предлог *по* употребляется в значении «после» (*неоказалось* (в какой момент времени? / после чего?) *порозысканію/по розысканію* (= «после *розысканія*»)). То есть розыскные действия уже были проведены, но объект розыскного дискурса не был обнаружен. Согласно В. Л. Георгиевой, изменение глагольного управления объясняется действием одного из двух факторов: либо синтаксической аналогией, сопровождавшейся сдвигом в осмыслении семантики отдельных глаголов (типа *беседовати кому-то*, изначально предполагавшего валентность адресата действия, а не совместности), либо перегруппировкой значений падежей (например, в сочетании *печаловати кем-то* «заботиться о ком-то» творительный падеж был заменен предложным, так как «группировка значений творительного падежа происходила в основном вне сферы объектных отношений, а выражение объекта мысли, заботы и т. п. оказалось присущим предложному (местному) падежу») [23, с. 64]. Тем не менее, как справедливо отмечает ученый, указанные факторы объясняют далеко не все случаи изменения управления [23, с. 64].

Иными словами, конструкция *по розысканію в сдѣшнемъ кварталѣ нынѣ неокказалось* фиксирует факт стереотипного для розыскного дискурса отсутствия замены предложной синтаксемы *по розысканію* на предложную синтаксему *после розысканія*. Такая языковая особенность указывает на наличие в данный исторический период стилистической пометы «деловое» для такого оборота. Конечно, указанные примеры говорят о наличии высокого экспрессивного потенциала у конструкции *по розысканію* (или *порозысканію*), которая призвана обрисовать жизненную ситуацию (проведены розыскные мероприятия, после которых получена определенная обратная связь), на каждом члене такого осложненного предложения лежала высокая смысловая нагрузка. Иными словами, предложная синтаксема в данных примерах является детерминантом, который распространяет предикативную основу предложения в целом.

Такой вариант экспликации обратной связи был типичным, повторяющимся, предопределенным особенностями развития пенитенциарной системы указанного исторического периода: поиски тех или иных лиц носили пролонгированный характер реализации, могли продолжаться в течение какого-то срока. Итак, комбинация слотов фрейма «ответ на розыскное задание», бесспорно, принципиально отличалась от традиционного набора минимальных семантических составляющих языковой единицы, на которые ее значение разбивается при компонентном анализе: было не просто представлено указание на участников розыскного процесса, но и семантизированы детали таких мероприятий.

* Заметим, что на л. 58 об. в данном документе [19] было зафиксировано два фрейма «ответ на розыскное задание», которые фиксировали обратную связь на документ № 200, полученный в 1-м квартале Тобольска 5 июня 1815 г., и на документ № 182, полученный во 2-м квартале Тобольска 8 июня 1815 г. Как следствие — вариативность употребления наречия *ныне* и переносов слов в том или ином тексте.

Следующий вариант семантизации слота «результат» — комментарий в левом нижнем углу документа, который фиксировался после того, как субъект розыскного дискурса, поставивший розыскную задачу, получал от своих подчиненных какую-либо информацию. Так, в «Предписании второй города части от 22 июня 1815 г.» [27] находим простое односоставное предложение — *рапортовано июля 12го дня № 356*. Отметим, что значение «какая-то информация предоставлена» эксплицировано через краткое причастие *рапортовано*. Правым актуализатором смыслового наполнения является указание на дату фиксации сведений — *июля 12го дня*. Также нам становится известным и номер документа, в котором представлена обратная связь, — *№ 356*.

В этом же «Предписании второй города части от 22 июня 1815 г.» [27] на оборотной стороне листа [28] находились два комментария от 1-го и 2-го квартального регистратора одинакового содержания: *...въ житѣльствѣ сего квартала неоказалось*. Разница заключалась только в дате предоставления информации — 2 июля 1815 г. и 11 июля 1815 г.

Наполнение данного слота именно такими языковыми формами еще раз подтверждает мысль о том, что фрейм «ответ на розыскное задание», как и другие фреймы рассматриваемого дискурсивного пространства, воспроизводит сценарий: есть участники, которые выполняют какие-то роли; есть правила, по которым они взаимодействуют друг с другом; есть реплики, которые они воспроизводят. Иными словами, в указанных фреймах репрезентировано развитие розыскной ситуации — типовая структура для некоторого розыскного действия, связанная со структурой понятия (например, *сыскъ и отысканіе, розыскъ, ра(о)зысканіе*) или события (когда именно произошла та

или иная ситуация), что отображает динамику розыскного сценария.

Отметим, что, вслед за В. М. Савицким, мы придерживаемся следующей точки зрения: семантика и прагматика всякого подобного кода — это не что иное, как набор образов, облеченных символическим смыслом, а его синтактика — это фрейм, общая схема, согласно которой образы слагаются в единую «картину». Можно вести речь не только о представляющихся мысленному взору «картинах» (статических фреймах), но и об «актах сценария» (динамических фреймах) [29, с. 119]. Иными словами, структура фрейма «ответ на розыскное задание» действительно оказывается довольно важной системой, позволяющей сделать детальные выводы о содержании гиперфрейма «розыск».

Заключение (Conclusion)

Розыскной дискурс конца XVIII — начала XIX в. представлял парадигмально-коммуникативную реализацию моделирования и типовой интерпретации розыскных знаний, передаваемых между структурами для разрешения соответствующих задач. Типовой характер розыскного дискурса был предопределен набором соответствующих фреймов, которые повторялись на разных территориях российского государства.

Развитие розыскного дискурса в указанный исторический период основано на нескольких процессах, смежных друг с другом:

- создание и трансляция языковых и поведенческих шаблонов, изложенных в виде правовых норм;
- их применение в конкретных розыскных ситуациях;
- репрезентация розыскных документов, которые детализируют такое применение.

1. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания Рос. акад. наук, 2003. С. 55–67.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. М. : Энергия, 1979. 151 с.
3. Дьяченко Т. Д. Семантико-синтаксические особенности лексических единиц английского языка, активизирующих фрейм «потребление пищи и жидкости» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 22 с.
4. Уланова С. Б. Фрейм как структура репрезентации знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Манерко. Рязань : Рязан. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2000. С. 133–141.
5. Колмагоров И. В. Репрезентация фрейма «религиозная группа» в современных центральных российских и американских печатных средствах массовой информации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 24 с.
6. Рогачева Ю. Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2003. 182 с.
7. Ромашина О. Ю. Формирование фрейма эмоционального звучания и его репрезентация в глагольных лексемах современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 189 с.
8. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 91–104.
9. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 49 об.
10. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 51 об.
11. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 53 об.
12. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 54 об.
13. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 59 об.
14. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 81 об.
15. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 92.
16. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 92 об.

-
17. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (БУОО «ИАОО»). Ф. И1. Оп. 1. Д. 193. Л. 226.
 18. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 49.
 19. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 58 об.
 20. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 57 об.
 21. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 54.
 22. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М. : Моск. гос. ун-т, 1956. 596 с.
 23. Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М. : Просвещение, 1968. 167 с.
 24. Выгонная М. П. Предлоги и предложные словосочетания в языке «Повести временных лет» (по Лаврентьевскому списку) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954. 16 с.
 25. Васева Д. Д. Языковые средства формирования смысловой структуры художественного текста (на материале современного рассказа) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 203 с.
 26. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика : доклады VIII Междунар. конф. : в 2 т. / отв. ред.: О. А. Давыдова, Е. И. Диброва. М. : СпортАкадемПресс, 2001. Т. 1. С. 72–81.
 27. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 82.
 28. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И1. Оп. 1. Д. 234. Л. 82 об.
 29. Савицкий В. М. Культурные и лингвокультурные коды // Флагман науки. 2023. № 3 (3). С. 117–124. DOI: 10.37539/2949-1991.2023.3.3.023